

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Неосторожные мысли о М. Горьком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806425

Аннотация

«Самая резкая и самая глубокая черта, более того: основание художественной индивидуальности Горького – это его деспотизм. Повелитель, властелин, деспот, не терпящий ни в ком противоречий, даже в себе самом. Если Горький противоречит Горькому, то он просто прикрывает его шапкой; и пусть под шапкой две головы – снаружи полное единство...»

Содержание

Леонид Николаевич Андреев Неосторожные мысли о М. Горьком

Самая резкая и самая глубокая черта, более того: основание художественной индивидуальности Горького – это его деспотизм. Повелитель, властелин, деспот, не терпящий ни в ком противоречий, даже в себе самом. Если Горький противоречит Горькому, то он просто прикрывает его шапкой; и пусть под шапкой две головы – снаружи полное единство.

Почти невозможно представить этого художника с его огромным дарованием – без жезла, без посоха учительского, иногда просто без дубинки. Он из тех проповедников мира и любви, которые невнимательных слушателей отечески бьют книгой по голове; это ничего, что переплет тяжел и углы железные. Если и прошибется непрочная голова, то в этом повинна она же, а не пламенеющий учитель.

Как великий деспот, он воин и завоеватель: всегда он завоевывает, всегда покоряет, и иные отношения между людьми ему органически неприятны. И оттого в его художественном царстве нет мира, и оттого там вечное bellum

omnium contra omnes¹. Все дерутся, а потом приходит он сам, крайне взбешенный этой дракой, и сразу всех завоевывает: смолкают все голоса и крики, и только его властительный голос не спеша доколачивает еще барахтающихся. Это называется – конец романа.

Любопытно проследить эту странную борьбу художника-деспота с образами, им же самим созданными. С талантом, изумительным по свежести и непосредственной силе, языком – по богатству, быть может, единственным во всей русской литературе – он в начале каждого романа (хотя бы «Детства»²) любовно, внимательно и нежно вырисовывает каждого из своих воителей и воительниц. Скульптура плохая, Горький не скульптор, но живопись очаровательна по силе, богатству и яркости красок: живет каждый и каждая, мощно проявляются во всем своеобразии своей индивидуальности. Свой характер и свой язык у всякого в этом еще не завоеванном царстве; и лишь изредка, как напоминание о власти единого, как предчувствие предстоящего разгрома – горьковский афоризм в неподходящих устах.

Но уже скоро Горькому становится тесно и обидно в этой толпе своемыслящих. Все говорят, а он что же? Так он и будет молчать? Сам их сотворил, а сам молчи и слушай? И по-

¹ война всех против всех (*лат.*).

² «Детство» – начало автобиографической трилогии М. Горького. Впервые напечатано в газете «Русское слово» в 1913–1914 гг. Отдельным изданием повесть выпущена в Берлине (J. Ladyschnikow Verlag) в 1914 г.

добно Хроносу, пожирающему своих детей, одного за другим, помаленьку проглатывает и Горький своих героев. Делается это таким способом, что на две-три фразы, сказанные героем от себя и действительно своим голосом, Горький заставляет их произнести еще одну, горьковскую фразу – как бы от своего имени. Пропорция небольшая, и так как делается это постепенно и количество горьковских фраз увеличивается не сразу, то и читатель привыкает к отраве, как Митридат к яду³. Читает и думает, что это все прежние, и того не замечает, что от прежних осталась одна рачья скорлупа, яростно начиняема Горьким его собственным содержанием и собственными державными мыслями, как и поучениями.

И наступает момент, когда в романе наместо живых образов живых людей появляются целлулоидовые раскрашенные куколочки с полой сердцевинкой, почти невесомые и уже совсем мертвые. Говорят они еще больше, чем вначале, но это уже не их голос, а голос искусного чревовещателя Горького, оставшегося, наконец, полным и единственным победителем на поле этой необыкновенной битвы.

Один он говорит и невозбранно утверждает, что и требовалось, в сущности, с самого начала. Слились все лица и характеры, столь резко очерченные на первых страницах,

³ ...привыкает к отраве, как Митридат к яду. – Речь идет о царе Понта Митридате VI Евпаторе (132 – 63 до н. э.). Устранил много своих противников, включая собственного сына, отравив их. Воевал с Римом. Потерпев поражение, принял яд, который всегда носил с собой в рукоятке своего меча. Когда яд не подействовал, приказал умертвить себя своему телохранителю.

уже и не разберешь по речи, кто мужчина, а кто женщина, и для всех установлена одна обязательная психология – самого Горького. Так хочу, так приказываю.

Проник в печать недоуменный вопрос, – по-видимому, читательский: неужели Горький в «Детстве» так хорошо запомнил все речи бабушки, деда и других? Приводит как подлинные. И на том основании, что запомнить так нельзя, осудили художника как бы за некоторую ложь. Это – недоразумение. Конечно, запомнить нельзя, и никто не запоминает, и Толстой не по памяти и не по стенографической записи воссоздавал рассказ своего Карла Ивановича⁴; больше того: будь это действительно запомнено и записано, оно не имело бы никакого художественного значения. И здесь Горький – особенно в речах бабки, до конца сохранивший некоторую самостоятельность, – действовал как истинный художник, одаренный воображением памяти, а не подлинной, лишенной творческой силы, ненужной памятью фактов.

И не в этом худое, а в том, что сам художник, неудержимо стремясь к власти, портит свое чудесное создание. И не в том худое, что учит миру и любви – учить надо, а в том, что невнимательных и несогласных бьет тяжелой книжкой по голове... Метод неправильный и с духом учения не вполне согласный!

⁴ ...Толстой... воссоздавал рассказ своего Карла Ивановича... – Карл Иванович – учитель Николеньки Иртеньева в автобиографической повести Л. Н. Толстого «Детство» (1852).